ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Письмо к ученому соседу (31)

Ну вот, окончилась зима, весна, семестр, полгода, в Москве дождливая погода, не стали легче времена, все та же пошлая реклама, все та же духота в метро, в культуре вызревает драма неплатежей и стиль ретро.

Контуры классического противостояния - у них деньги, у нас дух - обозначились еще резче, но зато явно на пользу культуре. Снова стали сочиняться анекдоты, да не спорадически, а циклами, сериями, в жанре макабр, все больше про крутых и новых русских. В книжках, даже детективах, стало немного меньше кошмарных ошибок (например, Юлия Цезаря уже не величают Жюлем Сезаром, даже появились точки в конце предложений и некоторые запятые). На Чеховском фестивале игрались совсем недурные пьесы и спектакли. Был даже фурор, произведенный "Пьесой без названия" - ранним Чеховым в постановке Льва Додина.

К сожалению, этот шедевр мало кто видел, билеты стоили от ста пятидесяти до трехсот новыми, на сцене было целое озеро, зрители сидели вроде как на берегу, но это все сведения из вторых рук, сама я, как ты понимаешь, за сто пятьдесят в театр не хожу, просто это не мой театр, если он за полтораста новыми. Так что о додинском шедевре больше ничего сказать не могу, разве что маститая критика придыхала от восторга, а наивная публика - в отличие от крутых и профессионалов - была в некотором шоке.

Но зато наивная публика ломилась на спектакль, который игрался за последний месяц всего два раза. Называется "Ботинки на толстой подошве". Автор пьесы - Петр Гладилин. Режиссер - Роман Козак. Играли: Татьяна Васильева, Валерий Гаркалин, Александр Феклистов. Один раз в театре Моссовета. Другой раз в театре Маяковского.

Мои билеты были заказаны, но лежали у администратора, а у нас на кухне сломались часы, и я из-за проклятой батарейки опаздывала и, как последняя дура, взяла такси, а пробки теперь в Москве такие, что в час пик никак в центр не пробиться, конечно, опоздала, толпу перед входом не застала, но зато попала в самую гущу настоящей, фанатичной молодой галерки, простояла два часа без перерыва, подпирая стену в последнем ряду бельэтажа, не отрывая глаз от сцены и не замечая усталости, хохотала и хлопала, забыв о своем почтенном возрасте, а когда через два часа все кончилось, страшно расстроилась. Я бы могли и четыре часа так стоять, лишь бы они играли. Вот такой спектакль. Не в рамках фестиваля, а антреприза, бездомный и прекрасный. Там и сюжет-то старый, как мир, про осенний марафон: жена стареет, муж - седина в голову, бес в ребро, вторая молодость, страстное увлечение на стороне, момент разрыва. В общем комедия.

Дело в том, что жена, готовая на все, чтобы удержать старого дурака от рокового шага, обращается за помощью к экстрасенсу, а тот упрятывает ее благоверного в тюрягу, чтобы малость опомнился и протрезвел. Под чутким руководством и неусыпным бдением экстрасенса (он же следователь, надзиратель и вообще весь внешний социум) жена приходит к мужу на свидания, трогательно заботится, кормит-поит, кокетничает, ласкает и даже добивается успеха. Еще бы. Ведь замкнутое пространство тюремной камеры - экстремальные условия и символ всей нашей советской действительности, а жизнь в экстремальных условиях определяется борьбой за выживание. Герои Гладилина всю жизнь провели в экстремальных условиях. (Он - отставной офицер, она, соответственно, офицерская жена.). А едва ощутив некое расширение пространства, потеряли в нем ориентацию. Как ты. Как я. Как все "мы" (самое лживое местоимение во всех языках). Все узнаваемо: реалии, реакции, отрывки старых шлягеров, система поставленных под вопрос ценностей, малогабаритный быт, крупномасштабные иллюзии, долгоиграющий стереотип отношений. Но вот ей удается достичь цели: добрый экстрасенс за соответствующее вознаграждение пускает в ход связи и устраивает беднягу в камеру для особо опасных преступников, отбывающих срок за хищения в особо крупных размерах. Тут хорошо, чисто и все удобства, и правила не такие строгие. И она может приходить к нему каждый день и даже вообще поселиться в роскошной камере. И снова они оказываются один-на-один в замкнутом пространстве своих несовпадающих желаний, в психологической - или биологической? - противофазе. Тюрьме для двоих.

Ничто не воскресит умершую любовь. Ни дружба, ни преданность, ни общие воспоминания, ни общий взрослый ребенок, ни старые стены, ни старые песни. Ну, конечно, все это ей приснилось. И, проснувшись, она ползает в полчетвертого ночи вокруг старой калошницы, разыскивая для него новые модные ботинки на толстой подошве, в которых он уйдет от нее навсегда. До маячащего впереди инфаркта.

Этот спектакль - чудо адекватности: режиссура адекватна тексту, актеры - режиссуре, зрители - актерам. Все вместе производят впечатление хрупкого совершенства. Убери любую из составляющих, и оно исчезнет. Посмотри под другим углом зрения и ничего не увидишь. Нужен талант и вся личная биография Татьяны Васильевой, чтобы сыграть трагедию как комедию, поражение как победу, при этом нигде не сфальшивить, не оступиться, не порвать тонкую материю авторских метафор и сентенций. Зал взрывается аплодисментами с такой поразительной синхронностью, как будто она не играет, а дирижирует.

Атмосфера любви - самая зыбкая в мире, почти недостижимая не только в реальности, но и на сцене - возникает и исчезает, наплывает и растворяется, сгущается и светлеет, реплики слетают с жаждущих губ как легкие вздохи, как проглоченные слезы, как: И так далее. Из описания у меня ни черта не выйдет. Нужно увидеть текст глазами, вчитаться, поймать ритм.

Не тут-то было. Пьеса не опубликована. Ее, видишь ли, забраковала одна ведущая критикесса и отверг журнал "Современная драматургия".

Ох, пробросаются.

Говорю тебе, все потихоньку налаживается, выстраиваются иерархии и обоймы, проступают из тумана круги своя, они-и-мы, свое-чужое, близкое-далекое, критика-публика, официоз-эндерграунд, настоящее и липовое. Куда все это денется?

Элла ВЕНГЕРОВА

P.S. Да, забыла тебе сказать: Петр Гладилин - поэт. Издал изящную книжку стихов "Рыжий карамболь" (М.: Советский писатель. 1991, 114 стр.). Звоню ему по телефону, честно признаюсь: "Я вас никак не расшифрую. Вы для меня где-то между Блоком и Ионеско". Он нисколько не был польщен. Отвечает: "Я - это я". В точности, как Хакс.

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ

16.01.99